

The book cover features a vibrant, abstract background with splashes of orange, red, and yellow. A large, dark, wavy hair-like shape dominates the upper half. In the lower half, a silhouette of a person stands on a ledge, looking out over a large, open book that is the central focus. The book's pages are white with black outlines. The author's name is written in red at the bottom, and the title is in white and yellow in the middle.

Дневник

Алики

Эйфория

Элис Вайлен

Элис Вайлет
Дневник Аники. Эйфория

«Автор»

2025

Вайлет Э.

Дневник Аники. Эйфория / Э. Вайлет — «Автор», 2025

Роман между Аникой и братом ее мужа Джона - история о любви или болезни Аники? Эта история о вспыхнувшей страсти, холодном плане мести или о тайне, которую хранит каждый - Аника и братья, с которыми связана ее жизнь?

© Вайлет Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

2 ноября 22 г.	5
4 ноября 22 г.	6
10 ноября 22г.	7
28 ноября 22 г.	8
29 ноября 22 г.	10
30 ноября 22 г.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Элис Вайлет

Дневник Аники. Эйфория

*"Самый темный месяц в году
Приоткрывает тайну твою"*

2 ноября 22 г.

Фу-х, мне нужно высказаться. Я начала вести этот дневник, чтобы составить какой-то план. Я всегда начинаю планировать, когда нервничаю. Но сейчас это не просто список покупок или распорядок дня. Это план того, как мне жить дальше.

4 ноября 22 г.

Меня зовут Аника, мне 35 лет. И меня разрывают эмоции. Их слишком много. Джону сказали, что я вулкан, предостерегали его строить свою деревню рядом. Вулкан снова готов взорваться.

10 ноября 22г.

У меня ощущение, что я что-то должна вспомнить. Я не хочу вспоминать. Мне страшно! Я не пытаюсь намеренно копаться в своих воспоминаниях, это приносит боль. Я боюсь вспомнить то, чего не было. Воспоминания могут быть ошибочными, я не хочу ошибиться и нести этот крест. В моей памяти есть пробелы, я не хочу заполнить их своей фантазией. Похоже, я снова на эйфории. Если это так, то... Господи... я живу только, когда у меня фаза мании. В другое время я погибаю. Я умираю каждую секунду, каждая секунда длится бесконечно.

Сегодня мне хотелось зарезать себя. Вот так просто, да. Я загружала посудомоечную машину, собирала ножи для мойки, и, держа нож в руке, я представляла, как он врезается в меня. До этого, разговаривая с Джоном по телефону, я послала его, потому что он снова не приехал. Дочка спала в комнате. А я держала нож и представляла, как капли крови падают с него в моих руках. И каждая капля казалась мне целым океаном моих непролитых слез. И тогда я заплакала, а перед этим закричала, глуша свой крик, чтобы не проснулась дочка, и давила свое лицо, как будто мне хотелось содрать кожу со своего лица.

А вечером, наконец, приехал Джон. И, видимо, ему хотелось разрядки. Он нашел меня в комнате на втором этаже, когда я смотрела очередной ромкомный сериал, а его брат в это время внизу нянчился с племянницей. Господи, как давно я этого не чувствовала! Джон как будто бы знал, каждый раз знает, когда я на грани. И как мне тоже нужна разрядка. Он измотал меня, и на миг я почувствовала себя на вершине блаженства. Но счастье быстро закончилось. Я спустилась вниз, на первый этаж, и меня ждала безысходность моего существования. Годовалая дочка, домашние дела, всех накормить ужином. Похоже, что я снова схожу с ума.

Уже несколько лет, как я лечусь, но только год, как мне подтвердили мой диагноз и перевели на другое лечение. Биполярное расстройство. Я спрашивала себя: «Почему я?». Я вопрошала куда-то в неизвестность: «Почему это произошло именно со мной?» Но ответа не было. И я смирилась. Наверное. Не до конца. Новое лечение дало мне возможность жить не как овощ в этом году, в отличие от предыдущих двух лет, и я снова распробовала на вкус жизнь. Но это было до того, как началась моя депрессивная фаза. Значит, то, как я жила до этого, было только эйфорией?

Но меня волновало другое. Я сказала Джону, моему мужу, однажды:

– Да, я располнела на препаратах, но это не повод забывать, что я женщина и твоя жена.

– *Да куда ты от меня денешься*, Аника, – сказал он.

– Я найду тебе соперника, – сказала я.

И я нашла.

28 ноября 22 г.

Его гибкое тело ласкало мою кожу. Он был молод, силен, активен. Словно приятный ветер, подувший в распахнутое окно жарким июлем. Но только в ноябре. «В самый сладкий месяц в году я в глазах твоих тайну найду, – писала я когда-то о фильме с Киану Ривзом и Шарлиз Терон. А теперь поняла, какого это, когда ноябрь может быть сладким. Мой «ноябрь» был на десять лет меня младше. Брат моего мужа. Себастьян. Тот, кого я нянчила, когда ему было пять лет. Теперь ему двадцать пять, и он спит нагой на моей кровати, а я люблюсь очертаниями его юного тела. Как же был неправ Джон в своей самоуверенности. Месть — это не холодное блюдо, это десерт, вишенка на торте, которую я преподнесу ему на годовщину нашей свадьбы. Да, вот это и есть мой план. Джон был уверен в своем брате, я же всегда знала, что он ко мне неравнодушен.

Всё началось год назад.

Год назад, июль

– Аника, я очень переживаю, что Себастьян не в себе. Мне даже кажется, что он что-то принимает...

– Почему вам так кажется? – спросила я миссис Тителл, маму своего мужа.

– Он постоянно сидит один, в своей комнате, за компьютером, ни с кем не общается, никуда не выходит.

– Сейчас все общаются онлайн, – возразила я, – Но если хотите, я позову его в гости и пообщаюсь с ним, узнаю, чем он живет. Но, правда, вы опекаете его, как ребенка.

– Это было бы просто замечательно! Он мог бы стать тебе другом. Себастьян очень преданный, он хороший человек, я знаю, и как на друга, ты могла бы на него положиться.

«Да, хорошая мысль», – подумала я. Вот только миссис Тителл забыла, что я не верю в дружбу между мужчиной и женщиной.

Я позвонила Себастьяну, и он приехал. Пока моя малютка Мона была с няней, мы с Басом сидели на веранде, затягивались никотиновым ядом и болтали. Нет, конечно, Бас был не наркоман, как переживала его мама. Он просто любил быть один, а это вряд ли можно назвать каким-то отклонением. Она до сих пор воспринимала его несмышленным малышом, хотя он уже давно взрослый молодой человек.

Затем мы гуляли, обсуждая книги Эриха Фромма и зачем-то вспоминая, когда заканчивается новая история и начинается новейшая. Мы говорили о разных типах любви, и я приплела туда книгу о разных способах выражения любви. Я давала Басу эту книгу как-то прочесть.

– И какой же твой язык любви? – спросила я.

– Мой... Да, наверное, тактильный, – ответил он.

– И мой тоже, – заулыбалась я, – А еще внимание. А у Джона явно действия, он любовь только так понимает и выражает.

– Скорее всего, – ответил Бас.

Мы гуляли, казалось, целую вечность. Спорили о том, насколько объединение людей вместо изоляции поможет обществу быть здоровее. Я сразу вспомнила про свою болезнь. Спросила у него, считает ли он меня неполноценной.

– А ты-то как сама считаешь? – ответил он.

– Я считаю, что я абсолютно нормальная. Но так, кстати, считают все сумасшедшие, – сказала я, и мы одновременно хохотнули. Он – от души. А я с ноткой грусти.

Себастьян рассказал про свою знакомую, которая периодически видит ананас вместо головы человека. Типа идут такие ананасы вокруг нее.

– И как она к этому относится? Не думала лечиться? – спросила я.

– Она ржет обычно, ананасы ее прикалывают, лечиться даже не думала, – ответил он.

Потом мы замолчали. Задумались, каждый о своем. Я вспоминала, что почему-то именно Бас ходил за мной по пятам по городу, чтобы со мной ничего не случилось. А я, на пике эйфории, представляла себя шпионкой Правительства и разгуливала по центру, будучи в своих фантазиях. Переодевалась в туалете торгового центра, чтобы меня не «раскрыли», и созванивалась с мужем, уверенная, что говорю с тайным главой государства.

И вот теперь, спустя три года после тех событий, Бас идет рядом со мной, высокий, с русыми волосами по плечи, чем-то похожий на Иисуса, но только в черных солнцезащитных очках. Молодой человек чуть старше двадцати лет, но уже возмужавший.

«Он давно не ребенок», – подумала я. Мужчина. Очень красивый мужчина.

Черт.

Мы договорились, что если он почувствует за собой что-то не то, он сразу скажет об этом, и мы обратимся к врачу.

– Но я прекрасно себя чувствую, – сказал он, – Спасибо, конечно, за заботу, но садиться на «колеса» я не собираюсь.

– Бас, я беспокоюсь о тебе. Ты же мне не чужой человек, – сказала я, обнимая его. А я ведь даже не представляла, что будет через год.

Он обнимает меня дружелюбно, но я замечаю, какое быстрое у него сердцебиение.

Тук-тук-тук-тук-тук-тук

Не чужой человек, да.

29 ноября 22 г.

Сегодня у меня ностальгическое настроение. С чего всё началось между мной и Басом? Когда был этот момент «Х»? Я помню, как после той нашей прогулки летом прошлого года примерно в сентябре я попросила приехать Баса помочь с Моной. Мона вообще плохо спит, а тогда совсем часто просыпалась. Мне никогда не удавалось нормально выспаться. Я и сейчас все время чувствую себя уставшей. Помню, что Бас охотно откликнулся на просьбу. Нянчился с Моной, пока я делала домашние дела. Мне хотелось выдохнуть на пару минут, и я расположилась на веранде с чаем, в тишине.

– Она заснула, – сказал Бас, выходя ко мне.

– Я рада, спасибо.

– Не за что. Зови, я всегда рад помочь, – говорит он.

С того дня Себастьян и правда стал другом мне и няней для Моны в одном лице. Он помогает с ребенком, приезжая каждый раз, когда я прошу. А я, надо сказать, часто прошу.

Бас учится, но скоро его должны забрать на военную службу. Обычно, когда он приезжал, мы много говорили. Он увлекается философией, читая тексты в оригинале. Я тоже больше люблю литературу, хотя изучала маркетинг. Поэтому, на веранде за кружкой чая, когда Бас начинает цитировать Ницше, я сразу откуда-то вспоминаю, что к концу жизни он сошел с ума и писал чушь. И что вообще можно было бы использовать его посыл о жизни в борьбе и воле лозунгом какого-нибудь мастер-класса по борьбе с лишним весом. Мы оба смеемся. А когда он начинает что-то говорить из учений Платона, я машу руками и говорю, что если реальный мир лишь тени, пляшущие в отголосках пламени костра на пещере, то тогда я лучше останусь в этой пещере наблюдателем и буду жить в мире иллюзий. Он смеется, а я немного грущу, но улыбаюсь. Я почувствовала к Басу симпатию тогда. Я не знаю, что чувствовал он. Но приезжал он к нам с Моной часто.

Всё изменило именно это лето. И дело было не в Басе, который, возможно, так и остался бы другом. Дело в том, что я уже устала от претензий мужа по поводу своей внешности. Я устала сама чувствовать себя уродиной.

Был один момент... Мы с мужем занимались сексом. Джон всегда любил, когда я была сверху. И я, недолго думая, залезла на него. Но тут он закричал, всем своим видом показывая, что ему тяжело. Я ничего не поняла, но мы позу сменили. После я спросила, что это было. Он ответил, что я *слишком тяжелая*.

Не спорю, в то время я весила под центнер, но и он был далеко не Дюймовочкой. Было как-то обидно.

А чуть позже после очередного длительного воздержания со стороны мужа, у нас был тот самый знаменательный разговор о том, «куда я якобы денусь от него». Было еще кое-что в этом разговоре.

– Почему ты меня не хочешь? – спросила я, – Ты для меня всегда желанный, а я для тебя нет.

– У меня вообще нет никакого желания ни к чему, – ответил Джон.

– Раньше тебе это не мешало. Как бы ты ни уставал, я тебя возбуждала.

– Раньше ты и выглядела *по-другому*, – сказал он и замолчал.

Повисла тишина. Мне было все понятно. Джон только что вынес себе приговор.

Но мне надоело жаловаться. Не хочу быть похожей на тех женщин, которые толстеют после родов или других обстоятельств, а потом жалуются на своих мужей, у которых пропал к ним интерес. Это грустно, можно осуждать в такой ситуации и мужчину, и женщину, но проблему это не решит.

А что решит? Брат моего мужа? Почему бы и да.

30 ноября 22 г.

Муж уехал в командировку несколько дней назад. Банально, но все в жизни банально. Он оставил Баса, чтобы мне было не страшно одной в загородном доме. Какой заботливый. Такое ощущение, что он сам подкладывает мне своего брата. Или мне это показалось?

Я хочу вспомнить, как это было. В первый же день мы с Басом расположились у камина, с бокалами вина. Мона сладко спала в комнате наверху. Мы же болтали, попивая белое полусладкое. Искра, проскочившая между нами, разлилась румянцем на наших смущенно улыбающихся лицах. Я нервно глотаю комок в горле, он качает ногой. Я включила на телевизоре «Сладкий ноябрь». Мы особо не смотрим фильм. Говорим о моей беременности и материнстве, я жалуясь на то, что мало покормила грудью свою малышку из-за препаратов. И вообще из-за веса моя грудь сильно обвисла.

– Нормальная у тебя грудь, – говорит Себастьян.

– Ну я же вижу, что ненормальная, – отвечаю я, – Мягкая, как подушка.

Тогда он тянет руку к моей груди и чуть прикасается к ней через футболку. Аккуратно водит по ней и перебирает пальцами вверх, к ключице. Ведет пальцами вниз, снова к груди. Я неровно дышу и замечаю, что пальцы у него длинные, а костяшки на кисти ярко выражены. Я стараюсь не дышать и не думать так громко, замирая, когда он уже более уверенно, поглаживает меня.

– Совершенно нормальная, – говорит он, выдыхая, и мы смотрим друг другу в глаза. Его зеленые глаза практически черные в полумраке.

Я не выдерживаю первая и прижимаюсь к нему, целую.

Его губы ужасно похожи на губы мужа, и это раздражает. Во всем остальном он другой. Нежный и ласковый, как июньское мягкое солнце, и страстный, как самый темный для меня месяц в году – ноябрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.